

Виктор Макиенко

КАК Я БЫЛ АРТИСТОМ КИНО

Память почти фотографически запечатлела события этих нескольких дней в моей жизни. Но — увы! — негатив, как говорится, бесследно утрачен, а сама фотография несколько потускнела от времени, и на ней хорошо виден лишь первый план и несколько хуже — второй. Что касается третьего, четвертого и прочих планов, то с каждым годом надежды на их реставрацию становятся все более призрачными, а рассмотреть дату происходящих событий на оборотной стороне фотокарточки становится все труднее и труднее.

В детстве, которое иногда называют кудрявым, я чуть было не стал артистом кино, и, кто знает, быть может, и моя судьба, и судьба отечественного, а возможно, и мирового кинематографа сложились бы совсем по-другому, если бы не... Итак, как говорят киношники: "Мотор! Дубль первый! Снимаем!"

...Это был обычный летний выходной день. Воскресенье. Тогда был только один выходной день в неделю. Его ждали. В этот день мама готовила особенно вкусные "воскресные" блюда. В этот день надевали самую дорогую и самую нарядную одежду. А вскоре по радио даже запоют песенку с незатейливыми словами от имени простой рабочей девчонки: "Я кофточку рабочую сменяю на костюм..."

У моего отца никогда не было приличного выходного костюма. Он всю свою недолгую взрослую жизнь проходил в военной форме: серая шинель, китель или гимнастерка, "кирза" или хромовые сапоги, брички-галифе... Впрочем, в жаркие летние дни — выходные! — он иногда надевал белые парусиновые брички, белые парусиновые туфли и вышитую украинскую сорочку, которую, если летний зной становился невыносимым, сменяла "сеточка" — что-то вроде колчуги-авоськи, связанной из белых ниток.

Обычно я брал отца под руку, и мы вдвоем, если мать оставалась дома на хозяйстве, после воскресного завтрака отправлялись гулять по городу. Я уже знал наперед, что папа непременно купит мне в ближайшем гастрономе пирожное — слоеный язык, присыпанный сверху крупными кристаллами сахара-песка, — и леденцы в круглой, плоской жестяной коробочке с острым краем. В таких коробочках, когда они опустевали, я хранил марки, рыболовные крючки, сломанные зажигалки, старинные монеты и прочие мальчишеские "ценности". А сами коробочки долго пахли зелеными леденцами, чем-то напоминающими мне матовые кусочки стекла, которые время от времени выносятся на песчаные берега крутыми морскими волнами.

В этот день на мне была выходная одежда: майка, короткие, до колен, брички, тоже из парусины. Они уверенно держались на мне благодаря двум шлейкам, перекрещивающимся на груди и спине, как патронные ленты у революционного матроса. На ногах у меня были красные сандалии, твердая кожа которых за день могла до крови — даже носки не спасали! — натереть над пятками кровотокающие раны.

Мы медленно вышли из своего двора на Дегтярной и, как всегда, направились в сторону улицы Толстого, где рядом с маленьким уютным сквериком, на месте которого сегодня находится памятник автору "Войны и мира", была конечная остановка одесского троллейбуса. Нет! На троллейбус мы не сели и в кружевной тени деревьев отправились пешком в сторону Соборной площади.

По иссиня-черной булыжной мостовой изредка прошмыгивали сосредоточенно сгорбившиеся коричневые "Победы" и легко пританцовывали на небольших выбоинах щекастые и веселые серые "Москвичи". Они "бибикали" от всей души, напоминая пешеходам, переходящим улицу в непопулярном месте, об их — пешеходов! — брэнном существовании.

В сквере на площади был установлен гипсовый, но выкрашенный "под бронзу", памятник Владимиру Ильичу и Иосифу Виссарионовичу. Вожди удобно расположились — сидеть вместе им уже оставалось совсем недолго! — в плетеном кресле. Они довольно увлеченно — климат Одессы к этому, очевидно, располагал! — о чем-то беседовали. Рядом был разбит газон, мастерски изображавший карту европейской территории Советского Союза. На карте расположились — в миниатюре! — и главные города, и электростанции, а дно рек и каналов, по которым

бежала вода, было облицовано плитками синего кафеля.

Выходной? И без пломбира? А эскимо в шоколаде? Или, на худой конец, очень дешевое "фруктово-ягодное" с ароматом малины?

Продавщица открыла голубой фанерный короб, разрисованный белыми снежинками, из которого, несмотря на жаркий день, торжественно выплыло легкое облачко сизого тумана. Разумеется, мороженое предлагалось записать "колючей" газировкой — лучше с сиропом! А тут уж как душа пожелает: хошь тебе яблочно-грушевый, золотистый, искрящийся в стакане крушон, а хошь тебе — крем-сода или другое вишневое удовольствие.

Неподалеку от памятника генералу Воронцову, возле передвижной тележки-ларька для продажи газированной воды изо дня в день повторялся один и тот же спектакль. Вот лишь несколько коротеньких, но полных внутреннего драматизма реплик из того представления, подсказанных мне сегодня суфлером по имени память: "Вода несладкая... Опять сироп не долили... Дачи на сиропках строят..."

О! Публичное обвинение в постройке дач тогда было достаточно оскорбительным (разумеется, уголовно не наказуемым) и равносильным обвинению в фармазонстве.

Вспоминается случай, когда во время очередного дворового скандала скромная женщина-милиционер, работница городского паспортного стола, у которой была небольшая халабуда на Фонтане, сама себя загнала в "ловушку". Она неосторожно обронила в адрес некоего дяди Петя, любителя открывать чужие сараи и почтовые ящики, следующие слова: "Было бы лучше, если б вы поменьше пили вина..." Довольный оплошностью оппонента, находчивый ("Эврика!") дядя Петя с достоинством и афористично ответил в присутствии прибывших на шум ("Будете свидетелями!") соседей: "Ну, что ж! Кто-то винцо попивает, а кто-то..." Здесь дядя Петя сделал многозначительную паузу, после чего добавил: "...а кто-то дачи строит!" Да, товарищи милиционер, тут уж, как говорится, вам и крыть нечем!

В этот день, впрочем, как и в другие, на Соборке, со стороны кинотеатра им. Горького и "Театрального кафе", в котором по вечерам играл на ксилофоне один из жильцов нашего двора Семен Бродский (Макс Южный), переминались с ноги на ногу футбольные болельщики-фанаты. Да! Здесь кипели шекспировские страсти и разгорались жаркие споры, порой заканчивавшиеся смешными до слез скандалами или бессильными взаимными угрозами.

Под сенью каштанов и акаций цыгане торговали пицалками "уди-уди" и надутыми здесь же — по желанию покупателя! — до огромных размеров резиновыми шариками. Губы "шародунов" были окрашены в анилиновые цвета, что вызывало даже некоторое отвращение к купленным шарикам-игрушкам, которые могли оказаться, по мнению родителей, "заразными". Здесь также можно было прикупить оловянные детские пистолеты-пугачи, изрывающие, впрочем, далеко не игрушечное пламя при соответствующем "шумовом оформлении".

Работал — хорошее слово! — фонтан. Тогда так и говорили: "Ура! Фонтан работает!" Или с досадой "У-у-у! Фонтан не работает!" Ах, какое это было счастье — и для детей, и для взрослых! — наблюдать за этой "работой", когда струи воды, распыленные до мельчайших капелек, радостно, с тихим шумом устремлялись ввысь к голубому небу, а над молочно-белой чащей фонтана-труженика появлялась, словно после летней грозы, красавица-радуга.

Рядом с кинотеатром безногий чистильщик ловко чистил прохаживающую обувь, а другой инвалид, сидевший в инвалидной коляске, продавал разноцветные ордена колодки и подпрыгивающие на резинках шарики, сделанные из тонкой "серебряной" фольги, заполненной обыкновенными древесными опилками.

На углу улиц Дерибасовской и Советской Армии (Преображенской) под часами тусовались какие-то прилично одетые молодые люди, проводившие здесь почти все свое свободное время, поэтому при необходимости их всегда можно было отыскать как в будни, так и в выходные дни. Трех их узнал. Одним из них был высокий и дородный волейболист Вова Ген

из нашего двора, а вторым — живущий на нашей же улице, очень добродушный и уравновешенный, прятывший в рукавах пиджака тяжелые мускулы Гриша, фамилию которого, в отличие от "пятой графы" в его биографии, я — увы! — запамятовал. Ходили слухи, что лысоватый Гриша какое-то время даже был "королем Дерибасовской".

Кто был третьим — разумеется, в хорошем смысле слова? А третьим был мой родной брат Анатолий, поведавший мне в свое время о королевском сане вышеупомянутого Гриши. Да! Третьим был мой дорогой брат Анатолий, учивший меня читать и писать. И любить поэзию Пушкина, которому теперь в моей стране присвоили — посмертно! — звание "поэт-иностранец". Да! Третьим был мой брат Анатолий Кравец (бывают и у родных братьев разные фамилии), которого безуспешно пытались разыскать выпускники 1952 года одесской средней школы № 107, приехавшие из разных стран на встречу в серое здание по улице Толстого. Они громко заявили о себе со страниц "Всемирных одесских новостей": "Полвека позади, и мы еще живем!..." Правда, тогда уже тяжелобольной Анатолий — Анатолий Ефимович! — так и не узнал об этой немалой грустной и до слез трогательной встрече его одноклассников.

Затем по какой-то причине мы с отцом оказались в другом конце города на заново отстроенном после войны железнодорожном вокзале. В зале ожидания степенно вышагивал дежурный старшина — "железнодорожный" милиционер. На голове стража правопорядка красовалась фуражка с ядовито-малиновым околышем, справа на боку у него висела кожаная кобура с наганом, а слева — огромная сабля. Широкие малиновые лампасы делали его похожим на какого-то генерала.

В центре главного зала, напротив входа, находился небольшой фонтан, окруженный неглубоким бассейном, где плескались юркие караси и не спеша проплывали крупные "золотые" рыбки. На дне бассейна было много серебряных и медных монет, брошенных туда отъезжающими в надежде снова вернуться в наш город.

В "Двенадцати стульях" гениальные сатирики живописно отображали усатую личность "мужеского" пола, мычащую "жили же люди!" при посещении музеев, где экспонатами была богатая квартирная мебель или какая-либо другая утварь, ранее принадлежавшая — еще "до исторического материализма!" — состоятельным людям. Надо сказать, что этот образ спустя десятилетия после опубликования бессмертного романа нисколько не потерял своей актуальности. Жив курилка и сегодня. Жив! "Усатая личность" может сбрить усы или даже сменить пол, однако, мурло мешанина все равно проявляет себя в тех или иных похожих ситуациях.

Так было и тогда. Какой-то прилично одетый и на вид интеллигентный гражданин, взиравший не столько на веселые игры рыбок, сколько на поблескивающие на дне бассейна монеты, завистливо промычал: "М-м-м!.. Повезло! Повезло уборщице!" И надо же! Случайно оказавшаяся рядом с ним еще не старая, но уже увядшая, плоская, как доска, женщина, державшая в руках ведро и ведро, сказала: "А шоб тебя так повезло! Паразит!" И замахнулась венником на "интеллигента", который тут же юркнул в толпу и, как говорят в подобных случаях, быстро "слинял".

Мы уже собирались уходить, когда к нам подошла стройная, элегантная женщина — в этих вопросах я уже понемногу начинал разбираться! — в модном крепдешиновом платье. Она пристально посмотрела на меня и спросила у отца что-то вроде того, не хочет ли он, чтобы его способный сын (молочница! Сразу заметила!) снимался в кино. Наталья Петровна, так, скажем, звали ассистента режиссера, объяснила, что подыскивает мальчика на главную роль — то ли героическому партизанского связного, то ли бесстрашного юнга.

По дороге домой я мысленно повторял загадочные слова, сказанные Натальей Петровной: "Рабочее название картины..." Путь в киноартисты казался мне легким и безоблачным. Нет! Никто лучше меня не сможет на киностудии громко и с выражением прочитать стихотворение... А может, все-таки басно?...

Едва зайдя в дом, папа торжественно произнес: "Наш сын будет сниматься в кино!" Бабушка Женя — маленькая, ладная и

очень сильная! — всплеснула руками, а мама, любовно глядя на своего располневшего сына, как говорится, "на полном серьезе" заинтересовалась: "А он в объектив поместится?"

Ну что? Конец первой серии?

...В центре города мы — я и бабушка — сели в трамвай, идущий в сторону Аркадии и знаменитого института Филатова.

Пробили ("динь-динь!") корабельные склянки, и погруженный до самой ватерлинии корабль, борта которого облепили карманники, медленно отчалил от небольшой пристани под названием Греческая площадь.

Я сидел у открытого окна, за которым проплывал жаркий июль. Разросшиеся ветки высаженных вдоль трамвайной линии деревьев дерзко врывались в распаханые окна-иллюминаторы. Напротив меня какой-то мальчуган в легкой курточке с матросским воротником сосредоточенно "управлял" трамваем, вертя в руках, словно корабельный штурвал, обыкновенный бублик.

— Кондуктор! Передайте путевой! — вдруг послышалась из капитанской рубки. — Контролер! Контролер! — тревожное "СОС", заставая врасплох растерянных пассажиров, хлынуло в кают-компанию и выплеснулось на корму-площадку вагона, откуда на полном ходу корабля выпрыгнули за борт несколько удалыков.

— Ваш билет? — грозно спрашивает подошедший контролер. Я замираю от ужаса, зная, что никакого билета в вагонной суতোлке бабушка Женя не приобрела (льгот тогда пенсионеры не имели) и что нас непременно оштрафуют.

— Тута! — сказала бабушка, показывая контролеру сжатый кулак, в котором якобы находился билет, — тута!

— Так! А у мальчика?

Я, девятилетний румянощекий толстун, прикрытый сверху маленькой детской панамкой, сгорбился на деревянном сидении между окном и бабушкой, чтобы казаться поменьше.

— А мальчишка еще нет и пяти лет... Как раз на следующей неделе у него день рождения... Вот будет ровно пять...

— Однако же... гм!.. крупный мальчик...

— А отец у него... крупный! — объяснила контролеру моя полуграмотная бабушка, видимо, интуитивно чувствуя, что законы буржуазной науки генетики помогут ей сбересть какую-то мелочь на хлеб. Контролер прошел мимо, а я с облегчением вздохнул.

Бабушка не любила сорить деньгами, даже если это была какая-то мелочь, тем более что у этой мелочи была по тем временам неплохая покупательная способность.

Вспоминается такой эпизод. За пару лет до описанных событий парк им. Шевченко еще был огорожен довольно высоким каменным забором, и, чтобы оказаться на территории этого очага культуры и отдыха, нужно было купить билет. Можно было, конечно, попасть за забор и другим путем: спуститься по головокружильному размытому ливнями глиняному склону в сторону еще не обустroенной Отрады, а затем уже по относительно цивилизованной, но длинной и утомительной дороге свободно зайти в парк с "черного входа". Некоторые так и поступали.

Но бабушка Женя предпочитала импровизацию. Не прыгать же через забор! Однажды, когда у входа в парк в начале Марзливской улицы "привратник" протянул руку за входными билетами — "для контролера", маленькая бабушка, по-видимому, не ожидая для самой себя спросила его грозным голосом: "Да ты знаешь, что я теща Громова?" Пока оторопелый страж приводил в порядок свои мысли, как говорится, расстроенные "после вчерашнего", и вспоминал фамилии городских начальников, бабушка с внуком быстрым шагом прошли мимо и "потерялись" за высокими кустами сирени. Ей-богу! Так и было!

...И вот мы с бабушкой — у ворот Одесской киностудии, правда, не у главных, а у других, находящихся на несколько сот метров правее в сторону Аркадии.

Мы вошли в большой двор, где, на удивление, уже было довольно много претендентов на главную роль "юнга-партизана". Рыжеволосые и брюнеты, блондины и не очень блондины, курносые и не очень курносые, высокие и маленькие, румяные, бледные, смуглые, круглолицые и тоже — не очень, не очень... Здесь были довольно упитанные толстуны вроде меня, которым двор или улица приклеивали кличку "каба-

ся", или худые, которых нарекали "шкиля" или более живописно — "шкиля-макарона".

Я даже увидел нескольких знакомых ребят из родной сто седьмой школы, которые тут же отвернулись. Один из них — Витька Ш-р по кличке "Носорог", отбравший у меня титул лучшего певца школы, — держал в руках скрипку, правда, без смычка. Присутствие скрипки, очевидно, было весомым аргументом в пользу артистичного Вити в предстоящем состязании юных талантов.

— Ну вот! — с досадой произнесла бабушка. — Говорила тебе, чтобы утром долго не возился! Видишь, сколько народу?

Да! Конкурентов было действительно довольно много, что, впрочем, меня несколько не смущало, поскольку такие артисты, как я, "на дороге не валяются". Мы уселись на какую-то скамейку в тени небольшого дерева. Впрочем, тень быстро переместилась в другое место, и летнее солнце нещадно припекало мою голову. Не спасала и белая панамка. Напротив нас находился какой-то допотопный одноэтажный барак, где, как мы уже догадались, и будет проводиться отбор в артисты.

Где-то в вышине над нами кружились любопытные чайки, а вдвоя за барак, в просветах между деревьями, угадывался обрыв над морем, а еще дальше — и сама сине-зеленая громада, по которой, судя по легкому ветерку, неторопливо бежали белые барашки волн.

Будущие бабочкины и геловани, чарли чаплины и бернесы с оглушительными воплями играли "в сало", кувыркались в выгоревшей траве и отважно лазили по высоким деревьям. Однако июльский зной делал свое дело, и постепенно голоса утомленных детей затихали, а они, сонные и проголодавшиеся, постепенно возвращались под опеку находящихся здесь же родителей.

— Безобразие! — громко сказала бабушка. — Голодный ребенок томится на жару без питья...

Она достала из черной, как говорят, "выдавшей виды" хозяйственной сумки хлеб, десяток вареных яиц и малосольные огурцы. Я с апетитом начал уничтожать принесенную предусмотрительной бабушкой снедь. Громко хрумкала упругими, как резина, огурцами, запивая их сладким вишневым компотом, оказавшимся весьма кстати. А когда я, уминая очередной огурец, начал разбивать уже шестое яйцо, бабушка, заметив, что на мою живописную "трапезу" начинают обращать "нездоровое" внимание окружающие, раздраженно сказала мне самые грубые по отношению ко мне — и это один-единственный раз на моей памяти! — слова: "Хватит уже жрать! В артисты не возьмут!"

В общем-то, бабушка никогда не говорила грубых слов. Ее самым "страшным" ругательством было выражение "лошадь Петра Великого". Оно обычно нарочито громко адресовалось какой-нибудь даме (с солидной, как правило, комплекцией), нечаянно наступившей бабушке на ногу в очереди или в трамвае. Ездить в троллейбусе бабушка Женя почему-то опасалась.

— Дети! Пройдите, пожалуйста, в помещенки! — произнес какой-то мужчина тонким неприятным голосом.

И вот, наконец, вместе с остальными кандидатами на главную кинороль я оказался в вышеупомянутом темноватом бараке. Нас выстроили у стены в линию шеренгу, а напротив на нескольких пыльных и расшатанных стульях разместились, так сказать, оценочная комиссия. Несколько дядек с какой-то загадочной улыбкой, взятой, очевидно, напрокат с шедевра великого Леонардо, напряженно гляделись в юные лица, оценивая, по-видимому, наши фотогеничность и врожденную способность импровизировать перед объективом стрекочущего киноаппарата.

На меня никто упорно не обращал никакого внимания, хотя я преданным собачьим взглядом, не отрывая глаз, смотрел на отборочно-оценочную комиссию. Постепенно в моей душе стала появляться тревога ("Вдруг не возьмут?"), а потом — и какая-то ненависть к этим киношникам, не способным заметить с первого взгляда настоящий талант. Я очень обрадовался, когда в барак зашла ассистент режиссера — та самая Наталья Петровна, правильно оценившая мой артистический дар. Фу-у! Наконец! Она подошла к "главному", сразу же по-свойски обнявшему ее за талию, и кивнула в мою сторону. "Главный" нехотя пробежался сонным взглядом по моей румяной физиономии и — уже в который раз! — обратил свой взор в центр шеренги, где стоял симпатичный стройный паренек. Голова сего отрока была увенчана роскошной — не по возрасту! — шевелюрой, чем-то напоми-

нающей серо-зеленый стог скошенного сена, который я когда-то видел за городом.

"Главный" и его сотоварищи начали переговариваться между собой, проявляя, очевидно, полную солидарность по отношению к кандидатуре на главную кинороль. Эти дебаты продолжались добрую четверть часа, и все это время шеренга из нескольких десятков мальчишек-непосед и одной девочки стояла — на удивление! — неподвижно и скорбно, как на похоронах, наблюдая как сотоварищи и "главный", чуть зажмурив глаза, одобритительно кивали головами, поочередно поднимая вверх большой палец то правой, то левой руки ("Левша!" — подумал Штирлиц").

Неожиданно для всех из шеренги вышел маленький мальчик и очень громко, чеканя каждое слово и старательно выговаривая букву "р", произнес: "Александр Сергеевич Пушкин! У лукоморья дуб зеленый!" И начался известный стихотворный рассказ об ученом мурлыке-сказочнике, искусно владеющем эстрадным разговорным жанром, да и обо всем остальном, что хорошо известно каждому из нас с детства.

"Главный" и сотоварищи некоторое время обалдело смотрели на малыша, с трудом соображая, что же, в конце концов, происходит. Наконец "главный" зычно скомандовал в блестящий жестяной рупор, услужливо переданный ему одним из сотоварищей: "Наталья Петровна! Успокойте мальчика!" Малыша с большим трудом угомонили и аккуратно, как музейный экспонат, водрузили на старое место в шеренгу. На какое-то время в барак наступила тягостная тишина.

— Все! — опять раздался тот же противный голос. — Можете идти!

Шеренга неудачников, подымая клубы барачной пыли, уныло двинулась к выходу на свежий воздух. А на роль "юнгипартизана" отобранили того самого — чубатого! — паренка и невестку каким образом затесавшуюся в "хор мальчишек" единственную девочку.

— Ну что? — нетерпеливо спросила бабушка, караулившая меня у входа в барак.

— Не взяли, — едва не плача, чуть слышно ответил я, хотя из-за всех сил старался изобразить из себя беззаботного рубаху-парня, равнодушного ко всяким жизненным неурядицам.

— Не взяли? — изумилась бабушка. — Как это не взяли? Да я сейчас...

Мимо нас с каменным лицом прошла ассистент кинорежиссера Наталья Петровна.

— Безобразие! — громко сказала бабушка ей вслед. — Отвлекают детей от каникул! Жаловаться на них надо!

— Ну, Софочка! Перестань! — снисходительно и нараспев успокаивает какую-то заплаканную мамашу солидный мужчина, бросая выразительные взгляды по сторонам, как бы пригласывая всех на проводимый им мастер-класс по курсу "Знание жизни". — Я же тебе говорил, что берут только своих!.. Только своих!..

Весь обратный путь бабушка Женя хранила глубокое молчание, полное благородного гнева на моих "обидчиков". И вот мы уже дома.

— Ну что, артист? — чуть-чуть насмешливо, но со скрытой надеждой спросила меня мама, раскатывавшая на обеденном столе тесто для вареников.

— Не взяли, гады! — сказал я, стуча зубами от неведомо откуда взявшегося озноба. — Берут только своих!..

Мне почему-то вспомнилась газировка с двойным сиропом "крем-сода", которую я в выходной пил в сквере на Соборной площади. Мои губы тогда безуспешно пытались поймать сладкую пенку сиропа, а она с брызгами и шипением все убежала и убежала от них, пока совсем не исчезла на дне стакана. И уткнувшись в материнские колени, я горько-прегорько заплакал.

А компенсацией мне за испорченное в этот день настроение были глубокая тарелка вкусного украинского борща и миска вареников с творогом.

На следующий день я на какое-то время забыл о своем хождении по мукам за неведомым мне тогда "Оскар" и отправился в Люстдорф на рыбалку со своими друзьями Жориком Косолаповым, Марином Рывкиным и Аликом Бродским. (Хлопцы, где вы? Отзовитесь!) Мы сидели на скалах, удили бычков и полной грудью вдыхали опьянявший нас соленый морской воздух образца пятьдесят четвертого года двадцатого столетия.

Ну, вот и все! Как говорят киношники, "снято!"

ОСТРОВ ЛЕТАЮЩЕЙ ПТИЦЫ

Я мечтал побывать на острове Змеиный почти столько, сколько хорошо себя помню. Дело в том, что мой отец, подполковник Владимир Владимирович, на излете своей многолетней военной судьбы, в самом конце 50-х годов, служил в управлении Одесского района военной гидрографической службы и неоднократно бывал по делам на этом острове. Я почему-то совсем не запомнил деталей его рассказов об этих поездках, но мне врезалось в память, что, обычно весьма сдержанный в проявлении эмоций, он всегда очень восторженно отзывался о Змеином. Еще помню громадную, по крайней мере, для меня, 4- или 5-летнего, рыбку, то ли белугу, то ли севрюгу, которую он как-то привез оттуда. И особенно запомнилось, как отец привез с острова ярко-синие цветы, выкопанные прямо с землей, в которой они росли. Мама, отбросив все правила тогдашнего этикета, поместила их в большую хрустальную ладью, стоявшую, по тогдашней моде, на "горке" (многоярусном посудном шкафу с раздвижными стеклянными дверцами), и они долго еще там стояли; запах мокрой земли и цветов — со Змеино острова! — плывал по нашей квартире и подстегивал мое желание там побывать.

Вот поэтому, когда в составе группы одесских журналистов я подлетал на вертолете к острову Змеиный, это была "сбыча мечты" после сорокачетырехлетнего ожидания!

...Лежащий посреди сверкающего и пустынного васильково-синего моря, медленно приближающийся яркий, зелено-коричнево-серый кусок суши с белым маяком под красной крышей в середине показался мне еще прекраснее, чем я себе представлял. Поразила и форма острова. Когда мы облетали его по кругу, с одной из сторон он четко выглядел, как два соединенных между собой практически равнобедренных треугольника. Один — большой, другой — маленький. И в большом — один, чуть вытянутый в море, угол походил на голову с клювом, а два других угла — на крылья летящей птицы. И самое интересное, что маленький треугольник выглядел, прямо как хвост этой птицы. То, что, как известно, перелетные птицы выбирают Змеиный в качестве места отдыха, наверное, объясняется не только его географическим положением, но и формой. Может быть, это и не научно, но что-то в этом есть!

Вторым чудом острова Змеиный был его воздух, в который мы, можно сказать, "погрузились", едва сойдя с вертолета. Воздух был настолько наполнен и запахом моря, и одновременно запахами земли, травы и камней острова, благо солнце пригревало в этот день почти по-летнему, что, наверное, второго такого "коктейля" не сыщешь на свете. И мне сразу вспомнились те давние синие цветы, которые остро пахли у нас в квартире почти полвека назад!

А третьим чудом этого самого южного уголка Украины стало то, что ни один человек, с кем я успел побеседовать за эти (все-го, увы!) полтора часа пребывания на острове, не выразил ни капли сожаления по поводу своей оторванности от Большой земли.

Единственная из 66 человек населения острова женщина, радиотелеграфист Татьяна Литвиненко, которая вместе с мужем Александром уже почти год несет службу на Змеином, надеется не только благополучно дослужить свои контрактные 3 года, но и продлить этот контракт.

— Я очень люблю море. А здесь его столько и оно такое, какого нет нигде. Единственное "но" — это то, что запросто в гости к родственникам не сходишь, но и тут утешает старая поговорка: "Чем дальше, тем роднее".

Главный же на острове, и. о. начальника пограничной заставы майор Владимир Бур-

лаков реальной тяготой островной службы и жизни считает только однообразие. Любые новые лица с корабля, вертолета дают повод для разговоров на несколько дней. Конечно, телевидение развлекает. Но не будешь же его смотреть целый день...

Сиявшее в голубизне солнце, сверкавшее васильково-синее море, накативавшее мощные волны на 20 — 30-метровые фантастические по красоте, серо-черные каменные утесы берега, и неумолчный легкий посвист ветра, дующего здесь постоянно, создавали ощущение умиротворенности и покоя. Вот бы здесь летом отдохнуть!

Однако "островитяне" быстро, как говорится, "вернули на землю", рассказав, что погода здесь может очень быстро поменяться. С утра она прекрасная, как сейчас, а через час может превратиться в лютый шторм. В качестве иллюстрации показали ползатонувший возле берега остов плавучего крана. В самом начале строительства большого причала на острове команда не успела среагировать на резкую смену погоды, и теперь кран обрел здесь вечную стоянку.

Так что, может, к сожалению, а может, и к счастью, превратить остров Змеиный в "туристический рай", при всех его красотах и чудесах, едва ли удастся. А предстоит ему, вероятно, оставаться самым южным рубежом Украины, где будет воспитываться особое, "островное", чувство ответственности. И, конечно же, маяком и радиолокационным хранителем мореплавателей. И, естественно, как и сейчас, местом работы орнитологов и сейсмологов.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Единственная на острове Змеиный женщина — радиотелеграфист Татьяна Литвиненко.

Ежеутренняя церемония подъема флага.

Фото автора.

